

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2 (54) • 2016

Главный редактор

*В. А. ГНЕВКО, доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

Редакционный совет:

*Л. А. АНОСОВА, начальник Отдела общественных наук РАН, заместитель
академика-секретаря по научно-организационной работе Отделения общественных
наук РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор САУ;*

*В. БЕРГМАНН, вице-президент Европейской академии наук и искусства,
член правления форума «Петербургский диалог»,
доктор юридических наук, почетный профессор САУ;*

*В. М. БОЕР, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного
университета гражданской авиации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный
юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ;*

*И. И. ЕЛИСЕЕВА, руководитель сектора Социологического института РАН, доктор
экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН;*

*В. В. ИВАНТЕР, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН, почетный профессор САУ;*

*В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой Московской школы экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор школы бизнеса
Лассальского университета (США), иностранный член РАН, почетный профессор САУ;*

*С. В. КУЗНЕЦОВ, директор Института проблем региональной экономики РАН,
доктор экономических наук, профессор;*

*А. В. МАЛЬКО, директор Саратовского филиала Института государства
и права РАН, вице-президент Ассоциации юридических вузов России,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;*

*Б. Н. ПОРФИРЬЕВ, заместитель директора Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, почетный профессор САУ*

Редакционная коллегия:

*В. А. ГНЕВКО, главный редактор, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ;*

С. С. БРАЗЕВИЧ, доктор социологических наук, профессор;

Я. А. МАРГУЛЯН, доктор социологических наук, профессор;

С. А. УВАРОВ, доктор экономических наук, профессор

Научные редакторы выпуска:

Л. Е. ЧЕРТОК, кандидат экономических наук, профессор;

В. Н. САМОТУГА, кандидат исторических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методика профессионального образования

- А. А. Федюковский. К истории лингвистического профессионального образования
во Франции* 5

Общее и прикладное языкознание

- Т. А. Иванченко. Языковые средства, выражающие неопределенную референцию
лица в художественном тексте* 18

Литературоведение

- С. А. Аристова. «Недействие» как отличительная черта Прушевского
из произведения А. Платонова «Котлован»* 24

Текстология и литературное редактирование

- Л. Д. Бондарь. Лингвистические экспедиции Императорской академии наук
на Кавказ в XVIII–XIX вв.: становление отечественной иранистики* 28
- А.-М. Ариас. Стиль текста и текстовый дизайн: к определению понятий* 40

Психология управления

- В. А. Микляев, Н. Н. Покровская. Социокультурная укорененность экономической
деятельности как основа социального менеджмента* 43
- И. С. Андронов. Миграция и новое социокультурное пространство:
тупик мультикультурализма?* 56

Л. Д. Бондарь

Лингвистические экспедиции Императорской
академии наук на Кавказ в XVIII–XIX вв.:
становление отечественной иранистики¹

*L. D. Bondar'. Linguistic Expeditions of the Imperial Academy of Sciences to the
Caucasus in the XVIII–XIX Centuries: Formation of Domestic Iranian Studies*

Статья посвящена обзору и анализу результатов академических экспедиций на Кавказ в XVIII–XIX вв., заложивших научную основу нескольких направлений кавказоведения и изучения иранских языков Кавказа.

Ключевые слова: лингвистические экспедиции, академические экспедиции, иранские языки, языки народов Кавказа

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44., лит. А

The article is devoted to the review and analysis of the results of academic expeditions to the Caucasus in the XVIII–XIX centuries, which laid the scientific basis for several areas of Caucasus studies and the study of Caucasian Iranian languages.

Keywords: linguistic expeditions, academic expeditions, Iranian languages, languages of the people of the Caucasus

Contacts: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103

С первых лет своего основания Петербургская академия наук, учрежденная в 1724 г., приступила к эмпирическому изучению многочисленных народов, населявших Российскую империю, посредством своей экспедиционной деятельности. Одним из направлений, развивавшихся в ходе полевых исследований, стали лингвистические наблюдения, заложившие научную основу в изучении целого ряда языков. Изначально такие наблюдения проводились в ходе обширных комплексных экспедиций, как экспедиция Д. Г. Мессершмидта (1720–1727) [1], Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743), оренбургская экспедиция П. С. Палласа (1768–1774) [2]. В ходе именно таких академических предприятий были заложены основы научного изучения языков сибирских народов [3; 4]. С XIX в. стали предприниматься также специализированные научные путешествия, ставившие в качестве главной своей цели лингвистические исследования. Другим

Лариса Дмитриевна Бондарь — доцент Санкт-Петербургского академического университета, кандидат исторических наук.

© Л. Д. Бондарь, 2016

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-00010.

важным центром формирования лингвистических школ, а именно отечественной синологии и монголоведения, стала Российская православная духовная миссия в Китае, в рамках которой в XIX в. проводились продуктивные научные исследования под руководством Академии наук [5; 6].

Не менее продуктивным направлением эмпирических лингвистических исследований стала европейская часть Российской империи, куда еще в XVIII в. снаряжались специальные академические экспедиции. К научным предприятиям такого рода относится путешествие участников одного из двух академических отрядов, снаряженных в конце XVIII в. и получивших название астраханских экспедиций (одновременно были отправлены еще три отряда на Урал и в Сибирь, которые именовались оренбургские экспедиции: под руководством П. С. Палласа (1768–1774), И. И. Лепехина (1768–1771) и И. П. Фалька (1768–1773); эти экспедиции получили название физических экспедиций Академии наук). Названный отряд оренбургских экспедиций возглавил Иоганн Антон (Антонович) Гюльденштедт (Johann Anton Guldensstädt; 1745–1781), уроженец Лифляндии, который, получив образование во Франкфурте-на-Одере и докторскую степень в Берлине, был в 1768 г. приглашен в Россию Академией наук и отправлен в научное путешествие на недавно присоединенные кавказские земли (второй отряд астраханских экспедиций возглавил Самуил Готтлиб Гмелин (Samuel Gottlieb Gmelin; 1744–1774)). Как и в случае других четырех названных экспедиций, подготовка отряда И. А. Гюльденштедта началась в 1768 г. В отряд были включены студенты Сергей Мошков, Борис Зряковский и Алексей Беляев, рисовальщик Григорий Белой (Белый), который занимался также сбором естественнонаучных коллекций, а также чучельник Семен Тарбаев и егеря [7, л. 147–148]. В соответствии с принятой процедурой, отряд получил инструкции академиков [8, л. 1–2 об.]. Как и в случае с прочими академическими физическими экспедициями, отряд И. А. Гюльденштедта должен был получать финансовую поддержку «из губернских провинциальных и городских канцелярий из подлежащих до статс-конторы доходов» [9, л. 1–1 об.]. Был намечен маршрут экспедиции: Новгород, Спасский, Порхов, Великоустье, Торопец, Зубков, Можайск, Москва, Переславль Рязанский, Епифань, Воронеж (где предстояло переждать зиму 1768/69 гг.), Тойда, Бобровск, Павловск, Донецкий, Глазуновский, Донской, Царицын, Астрахань (где планировалась зимовка 1769/70 гг.), Кизляр; далее отряд должен был «сухим путем» или по Каспийскому морю пройти «сколько обстоятельства и время допустит, к персидским горам». Обратный путь должен был лежать через Кизляр, Астрахань (с повторной зимовкой 1770/71 гг.), Сарны, Бахмут, Чугуев, Рыльск, Глухов, Севск, Брянск, Мосальск, Вязьма, Москва, Санкт-Петербург [8, л. 3–3 об.]. На деле маршрут получился иной: зиму 1768/69 гг. отряд провел в Москве и в 1769 г. дошел до Кизляра, из которого впоследствии предпринимал путешествия в различные местности: в Прикаспий, на Кавказ (Моздок, Большая и Малая Кабарда, Пятигорье), в Грузию, на территории вдоль Терека и Кумы, терские термальные источники. После зимовки 1772/73 гг. в Кизляре отряд отправился в обратный путь: через Новороссию и Слободскую Украину, до Киева, Орла, Тулы и Москвы. В Петербург экспедиция прибыла весной 1775 г. [10, с. 176]. У И. А. Гюльденштедта были веские причины пересмотреть маршрут уже на 1771 г., о чем он сообщал в Академию наук: «Отчасти моя болезнь, отчасти продолжавшееся в Тефлисе до ноября месяца прошлого [1770. — Л. Б.] года моровое поветрие и отчасти набеги лезгов и осетинцев, засевших в тесных горных местах ко Грузинии, воспрепятствовали мне совершить в прошедшем году пути, в плане означенной» [10].

За время своего путешествия И. А. Гюльденштедт собрал богатейший материал о Кавказе и Предкавказье. Свои наблюдения он регулярно отсылал в Академию наук: рапорты И. А. Гюльденштедта на немецком языке (имеются частичные их

переводы [11]) охватывают период с августа 1768 г. по июнь 1775 г. [12]; в этом же деле имеются рукописные цветные карты устья Дона, Волги, притоков Кубани, течения Терека и др. И. А. Гюльденштедт собрал богатые сведения о полезных ископаемых, животном и растительном мире исследуемых территорий. Каталоги («designatio») присланных им в академию в 1769 г. коллекций содержат перечни мелких млекопитающих, птиц, рыб [13]. Результаты его исследований в области зоологии также заслужили в будущем самой высокой оценки таких академиков-зоологов, как Федор Федорович Брандт (Johann Friedrich von Brandt; 1802–1879) [10, с. 177].

Гербарные коллекции академии наук также пополнились экспонатами И. А. Гюльденштедта и по сей день хранятся в гербарии Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН, а ботанические наблюдения экспедиции были актуальны и исключительно востребованы еще Францем Ивановичем Рупрехтом (Franz Josef Ruprecht, 1814–1870), о чем он писал в своем труде, посвященном флоре Кавказа [14]. Помимо самих естественнонаучных коллекций в ходе экспедиции было создано большое число естественнонаучных рисунков (а также карт), среди которых изображения флоры и фауны изученных территорий, и рисунков с этнографическими сюжетами [15; 16]. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПбФ АРАН) имеются также доэкспедиционные ботанические рисунки Г. Белова [17, л. 1–7].

Богатейший материал был собран также по описанию кавказских народов и их языков. В СПбФ АРАН имеется обширная подборка материалов по изучению кавказских языков, словари грузинских, лезгинских и татарских наречий, сравнение грузинского и татарского алфавитов и др. [18]. Экспедиционные материалы после смерти ученого были обработаны и изданы П. С. Палласом (в 1787 и 1791 гг.), который впоследствии также предпринял путешествие в южные области Российской империи в 1793–1794 гг., но в отношении лингвистических исследований прославился больше своей сибирской экспедицией 1768–1774 гг. [2]. Позднее отдельные части этих работ, относящиеся к Кавказу, были переизданы в редакции Ю. Клапрота [10, с. 178]. Исследования этой экспедиции заложили основу научного изучения Кавказа, а И. А. Гюльденштедт по праву считается основателем кавказоведения.

В XIX в. Кавказ также стал объектом специальных экспедиций, организовывавшихся академией. Одной из них стало путешествие лингвиста, уроженца Пруссии и выпускника университета в г. Галле Юлиуса Клапрота (Julius Heinrich Klapproth; 1783–1835). В 1804 г. он был приглашен в Императорскую академию наук в качестве адъюнкта (его отец, берлинский химик Мартин Генрих Клапрот (Martin Heinrich Klapproth, 1743–1817), также был избран почетным членом Императорской академии наук в следующем 1805 г.) и занимался лингвистическими исследованиями в Сибири в течение 1805–1807 гг. Вернувшись в Петербург в начале 1807 г., Ю. Клапрот в знак признания своих заслуг во время сибирского путешествия был досрочно избран в экстраординарные академики и уже осенью того же года отправился в следующую экспедицию — на этот раз на Кавказ с целью изучения народов присоединенных кавказских земель в этнографическом и лингвистическом отношении.

Ю. Клапрот получил от академии инструкцию, составленную графом Иваном Осиповичем Потоцким (1761–1815), этнографом и археологом, почетным членом Академии наук. Особый интерес для автора инструкции представляли осетины; сведения об этом народе Ю. Клапрот должен был получить он них самих. Внимание к осетинскому народу имело прагматические цели в связи с представлениями о том, что именно этот кавказский народ является наиболее восприимчивым к цивилизационному процессу и христианизации. В качестве задачи исследова-

телю вменялась, среди прочего, запись осетинских слов и попытка сравнения этого языка с талышским. За несколько лет до этого на Кавказе побывал врач, уроженец Саксонии, обучавшийся в Лейпцигском университете и получивший степень доктора медицины в Тирнау Якоб Рейнеггс (Jacob Reineggs, настоящее имя — Кристиан Рудольф Элих; 1744–1793). Он собрал богатые сведения о кавказских народах (чеченцы, ингуши, черкесы, балкарцы, осетины), которые были опубликованы после его смерти Ф. Шредером [19]. Между тем академические ученые, считая Я. Рейнеггса авантюристом, не были склонны всецело доверять его информации, а потому Ю. Клапроту настоятельно рекомендовалось проверять и подвергать тщательному изучению все его сведения [20, л. 7 об.].

Как и в случае с прочими академическими экспедициями, Ю. Клапрот был снабжен письмами к губернаторам и начальникам почтовых служб об оказании ему содействия в пути; в качестве переводчика и секретаря с ним был отправлен студент Ф. Бобринцев (протокол от 19 августа 1807 г., § 299 [21, л. 99 об. –100]). К сожалению, Ф. Бобринцеву не было суждено вернуться из экспедиции. В тот год на Кавказе случилась эпидемия чумы, и спутник Ю. Клапрота, очевидно, не смог от нее уберечься: Ю. Клапрот писал о плохом самочувствии своего секретаря, а в письме от 10 августа 1808 г. сообщил о его смерти после продолжительной горячки (протокол от 21 сентября 1808 г., § 347 [22, л. 8 об.]). Кроме того, в сопровождение Ю. Клапроту традиционно был дан солдат, о чем упоминается в письмах ученого непременно секретарю Академии наук Н. И. Фусу [23, л. 16–17 об.]. В статье О. В. Иодко освещено содержание этих писем, отправленных из Харькова в ноябре 1807 г. и описывающих случившуюся у ученого кражу предназначенных для экспедиции денег [24, с. 60–61, 64].

В Тифлис Ю. Клапрот прибыл в январе 1808 г. и прислал в Академию план своего маршрута по Кавказу: в первую очередь — в места, населенные осетинами (в Мцхету и Мухран), затем — к лезгинам в Кахетию; вслед за этим Ю. Клапрот планировал провести естественнонаучные наблюдения на рудниках провинции Бамбек и в предгорьях Арарата (следует отметить, что Ю. Клапрот не ограничивался исключительно этнографическими и лингвистическими наблюдениями; еще в своем пути на Кавказ он собрал для академии коллекцию минералов и составил описание гор Бештау и горячих источников при Лесногорской (протокол от 20 января 1808 г., § 7 [22, л. 1 об.]) и отправиться в Имеретию, Мингрелию и Сванетию, в Баку, Гянджу и Шемаху (протокол от 23 марта 1808 г., § 107 [Там же, л. 22–22 об.]). Однако пребывание на Кавказе не было продолжительным: Ю. Клапрот оказался вблизи персидской границы, с которой Россия находилась тогда в состоянии войны, и академия в том же 1808 г. отозвала Ю. Клапрота в Петербург.

После возвращения с Кавказа между Ю. Клапротом и Академией наук начались финансовые разногласия, и ученый, отправившись в командировку в Берлин, так и не вернулся больше в Россию. Разногласия были столь сильны, что все это привело к исключению Ю. Клапрота из числа членов Академии наук [24, с. 65–66]. Публикацию результатов своих исследований Ю. Клапрот предпринял уже за границей [25–27].

Отношение к его научному наследию неоднозначно: одни исследователи укоряют его в дилетантизме и компиляции [24, с. 68–69], другие высоко оценивают его заслуги в становлении отечественного кавказоведения, признавая достойным последователем И. А. Гюльденштедта и П. С. Палласа, особенно в сборе сведений об осетинах [28, с. 180]. М. И. Исаев характеризует работы Ю. Клапрота как самые значительные (на начало XIX в.) по объему сведений об осетинах и их языке, поскольку, предпринимая попытки научного подхода к интерпретации фактов,

Ю. Клапроту удалось сделать ряд умозаключений, подтвердившихся в работах позднейших исследователей. Ю. Клапрот первым высказал предположение о преемственности осетинским языком языка скифов и аланов, а также предложил первый в науке «Опыт осетинской грамматики» и небольшой осетинский словарь (200 слов) с попыткой аналитического сравнения с рядом иранских языков [29, с. 3].

Через четверть века после завершения экспедиции Ю. Клапрота началась подготовка другого путешествия на Кавказ. 31 мая 1835 г. Конференция Академии наук обратилась к президенту академии, являвшемуся одновременно министром народного просвещения, Сергею Семеновичу Уварову (1786–1855) с письмом, содержащим следующее обращение: «...С давних лет уже академия обращала внимание свое на языкознание кавказских и других подвластных российскому скипетру народов. Труды по сей части [П. С.] Палласа, [И. А.] Гильденштедта и [Ю.] Клапрота, сколько ни заслуживают внимания лингвистов, со всем тем при недостаточности своей, особенно по некоторым весьма важным наречиям, должны еще более возбудить желание подвергнуть языки сии точнейшему исследованию такого ученого, который не будучи развлекаем наблюдениями другого рода, соединил бы с нужными познаниями и навыком по сей части возможность заниматься ею исключительно». В этом письме академия обратила внимание С. С. Уварова на выпускника университета в Або Андрея Михайловича Шёгрена (Andreas Johan Sjögren, 1794–1855), переехавшего в Петербург в 1821 г. и избранного в Академию наук в 1827 г. (сначала членом-корреспондентом, с 1829 г. — адъюнктом по истории, с 1831 г. — экстраординарным академиком; выбор в ординарные академики состоялся в 1844 г.), признанного основателя финно-угроведения. К тому времени А. М. Шёгрена уже имел опыт экспедиционной деятельности (в виде научных путешествий в Карелию и северные губернии Российской империи в 1820-е гг.), совершая свои поездки на средства правительства, и держал в своих планах поездку на Кавказ, «который, по его мнению, составляет крайний предел распространения чудских племен к югу». Дополнительно академия аргументировала своевременность поездки А. М. Шёгрена также состоянием здоровья, поскольку его ослабшее зрение не позволяло «предаваться напряженным кабинетным занятиям» [30, л. 6–6 об.], да и сам академик обратился перед тем с просьбой разрешить ему поездку на Кавказ для лечения минеральными водами [Там же, л. 1–1 об.]. Академия планировала путешествие продолжительностью полтора-два года.

Уже 5 июля 1835 г. в своем ответном письме в Конференцию С. С. Уваров сообщил о получении императорского согласия на эту экспедицию с оплатой дополнительных (помимо штатного академического жалования) расходов из государственного казначейства [Там же, л. 7–7 об.]. Вскоре казначейство отпустило средства для оплаты прогонных «на проезд в Крым, Грузию и на Кавказ», а также средства «на расходы по научным исследованиям» в размере до 1600 руб. в год (письмо от 24 июля 1835 г. из министерства народного просвещения) [Там же, л. 8]. Как явствует из письма департамента государственного казначейства Министерства финансов от 2 сентября 1835 г., этот объем финансирования был разбит на несколько частей: в Петербурге было отпущено «из суммы, назначенной академику [А. М.] Шегрену на расходы по ученым исследованиям, 800 р[уб.], под расписку кассира академии Захарова; остальное же затем количество 2400 р[уб.] ассигновано поровну из Кавказской казенной палаты и Грузинской казенной экспедиции с тем, чтобы они выдавали таковые деньги под расписку академика, по мере надобности и по требованиям самой академии» [Там же, л. 12].

Из дальнейшей официальной корреспонденции узнаем, что вторая часть этой суммы (1200 руб.), из Кавказской казенной палаты, была выдана А. М. Шёгрена, вероятно, в начале лета 1836 г. после обращения туда Академии наук в письме от 15 мая 1836 г.: «А как г[осподин] [А. М.] Шегрен ныне имеет надобность в оных деньгах, то Конференция И[мператорской] а[кадемии] н[аук] покорнейше просит Кавказскую казенную палату о выдаче г[осподину] [А. М.] Шегрену оной суммы сполна, под его расписку» [Там же, л. 13]. В отношении третьей части суммы (вторых 1200 руб.) академия обратилась с аналогичной просьбой в Грузинскую казенную экспедицию 3 марта 1837 г. [Там же, л. 14]. Известно также, что с получением этой суммы возникла заминка. 3 июня 1837 г. А. М. Шёгрена сообщил в своем письме в академию, что эту сумму из экспедиции он еще не получил, и академия 21 июня 1837 г. повторно обратилась в Грузинскую казенную экспедицию с просьбой «ускорить выдачу ею [академией. — Л. Б.] помянутых 1200 руб. и о последующем не оставить ее уведомить» [Там же, л. 15]. И хотя экспедиция прислала объяснение, что деньги не были выданы «по неявке для получения г[осподина] [А. М.] Шегрена» (письмо от 5 августа 1837 г.) [Там же, л. 20], дело на этом не закончилось, и в своем письме в академию от 18 сентября А. М. Шёгрена сообщал, что эту сумму он до сих пор не получил, в связи с чем академия должна была выслать путешественнику из экономической суммы 1100 руб. «за майскую треть» (письмо Конференции в Комитет правления от 5 октября 1837 г.) [Там же, л. 21].

Одновременно министерство народного просвещения должно было обеспечить А. М. Шёгрена поддержкой местных властей, снабдив его открытыми листами «на имя начальств тех областей, в кои он отправится» (письмо из Конференции С. С. Уварову от 30 сентября 1835 г.) [Там же, л. 10].

Так, А. М. Шёгрена отправился на Кавказ в путешествие, срок которого истекал 9 сентября 1837 г. и в течение которого ученый проводил плодотворные исследования кавказских языков, о чем регулярно присылал в академию донесения. Ко времени истечения срока путешествия А. М. Шёгрена направил в академию письмо (от 3 июня 1837 г.), зачитанное в Конференции 9 июля 1837 г., «из коего, как и из прочих донесений сего ученого усматривается, с каким самоотвержением и неутомимом усердием он предается лингвистическим своим занятиям, и какие он стяжал успехи в грамматическом изучении грузинского, черкесского и главных наречий осетинского языка. Желание познакомиться с одним из любопытнейших наречий сего последнего, а именно с дигорским, побудило г[осподина] [А. М.] Шегрена предпринять трудное путешествие в Дигорию, которое, впрочем, по разным встретившимся неблагоприятным обстоятельствам не имело полного успеха. Между тем г[осподин] [А. М.] Шегрен узнал, что большая часть осетинского населения города Моздока состоит из переселившихся туда дигорцев, от коих, по всей вероятности, можно будет лучше, нежели в самой Дигории, научиться их языку». В связи с этим А. М. Шёгрена выразил желание предпринять путешествие в Моздок (жил он во Владикавказе), для чего академия ходатайствовала о продлении срока его экспедиции на 4 месяца (письмо из Конференции С. С. Уварову) [30, л. 16–16 об.] и получила на это высочайшее соизволение: экспедиция была продлена до января 1838 г. с оплатой дополнительных расходов из экономической суммы академии [Там же, л. 17–17 об.]. 7 января 1838 г. А. М. Шёгрена вернулся в Петербург [Там же, л. 25].

Главным объектом исследования А. М. Шёгрена были языки: осетинский (его иронский и дигорский диалекты) и грузинский; в фонде ученого в СПбФ АРАН (ф. 94) хранятся также материалы по ингушскому языку; этнографией он интересовался лишь отчасти [31, с. 21–22]. Из материалов этой экспедиции в фонде

А. М. Шёгрена имеются дневниковые записи (шесть тетрадей) на немецком и шведском языках [32, д. 256–261], различные записи, озаглавленные «Caucasica» [Там же, д. 18–19], и др. [33, с. 154]. Небольшая часть дневниковых записей была переведена со шведского на русский язык Т. Г. Хетагуровой [34]. Результаты лингвистических исследований А. М. Шёгрена и некоторые его письма академиком (Х. Д. Френу, Ф. И. Кругу, С. С. Уварову) были опубликованы в различных изданиях Академии наук [35, с. 188], однако самым значительным печатным трудом по результатам экспедиции стала изданная в 1844 г. Академией наук «Осетинская грамматика» [36].

До своей поездки на Кавказ А. М. Шёгрэн, специализируясь на финно-угорских языках, совсем не был знаком с осетинским; этот язык он изучил за 2 года своего пребывания на Кавказе: сначала иронский диалект (у А. М. Шёгрена — «тагаурский»), затем — дигорский. Несмотря на то что в материалах исследователей Кавказа — предшественников А. М. Шёгрена (Н. Витсен, И. А. Гюльденштедт, Я. Рейнегтс, Ю. Клапрот) был уже собран обширный материал по осетинам, позволивший начать научное изучение этого народа, все же именно А. М. Шёгрэн смог заложить основы осетиноведения. А. М. Шёгрэн явился создателем осетинского алфавита, основанного на русской гражданской азбуке, который впоследствии был принят (с некоторыми усовершенствованиями) создателем осетинского литературного языка Костой Хетагуровым (1859–1906) [29, с. 5]. Кроме того, ученым была разработана осетинская грамматическая терминология. Теоретическим исследованием, посвященным этому вопросу, стала работа, изданная в Петербурге в 1848 г. «Ossetische Studien mit besonderer Rücksicht auf die Indo-Europäischen Sprachen» [37].

Следующая академическая лингвистическая экспедиция на Кавказ связана с именем другого корифея кавказоведения, на этот раз картвеловеда и основоположника грузинской археологии — французско-российского востоковеда, экстраординарного академика (1838 г.; действительный член с 1847 г.) Мария Ивановича Броссе (Marie-Félicité Brosset, 1802–1880). Свои научные занятия М. И. Броссе начал в Париже в качестве китаиста, однако очень рано изменил направление своих исследований в сторону грузинского языка. В поисках возможностей заниматься этим языком он в 1837 г. прибыл с семьей в Петербург, где обратил внимание академических кругов на свою деятельность, связанную с изучением и преподаванием грузинского языка. Одновременно он стал готовиться к путешествию на Кавказ, цель которого видел в подготовке к изданию грузинской летописи «Картлис Цховреба» («Житие Грузии»), дополнив ее свидетельствами археологическими данными.

С этой целью он предпринял предварительную поездку в Москву для изучения памятников грузинской письменности: грузинских надписей в монастырях, построенных на землях, жалованных грузинским князьям с XV в., среди которых подавляющее большинство — эпитафии; рукописей на пергамене из архива министерства иностранных дел. Также им были изучены надгробные надписи из Петербурга [38]. На основе всего этого материала (всего 138 эпитафий: 88 из Москвы и 50 из Петербурга) М. И. Броссе опубликовал свой обобщающий труд [39].

Разрешение на путешествие на Кавказ было получено в 1847 г., и М. И. Броссе отправился из Петербурга 13 августа 1847 г. [40] и, преодолев Северный Кавказ, где тогда шли военные действия, прибыл на грузинские земли, где сразу опубликовал в тифлисском издании статью, явившуюся по сути его программным документом [41]. М. И. Броссе пробыл в Грузии 11 месяцев, обследовав обширную территорию: Тифлис с окрестностями, Мцхет, Телавский уезд, южное течение р. Куры, Горийский уезд, Мингрелию, Абхазию, Лечкум, Сванетию, Кутаис

с окрестностями, Раджийский уезд [35, с. 207]. В начале 1848 г. он совершил поездку в Армению, в Эчмиадзин, для осмотра храмов и работы в патриаршей библиотеке [42]. В путешествии его сопровождал прикомандированный академией топограф, однако в связи с отсутствием у обоих навыков фиксации археологических памятников к работе был приглашен художник Иван Муслов; а в одном из местных путешествий ученого сопровождал также грузинский писатель Георгий Гемрекали [43, с. 459–460]. Очевидно, он плодотворно общался с местным светом, демонстрируя свободное владение грузинским языком. О. В. Иодко приводит в своей статье заметку из газеты «Кавказ» от 3 января 1848 г. (№ 1): «23 минувшего декабря дан был в честь его обед в доме одного из образованных здешних туземцев. Все ожидали господина Броссе с каким-то особенным радушием, желая услышать из уст его беседу на том наречии, которое он изучает с таким успехом. Слушая его, следуя за каждым словом, им произнесенным, нельзя было не удивляться приятной и свободной речи, которою изъяснялся он, как глубокий знаток грузинского языка» [42].

В течение всего путешествия М. И. Броссе присылал президенту С. С. Уварову, а также кавказскому наместнику, почетному члену Академии наук графу Михаилу Семеновичу Воронцову (1782–1856) рапорты, впоследствии изданные [44]. Рапорты М. И. Броссе описывали самые разнообразные сюжеты, связанные с его путешествием, включая описание мелких происшествий (как, например, унесенная сильным ветром на две версты шляпа) [40]. Информативными являются также и письма к академику Х. Д. Френу [45].

В Петербург М. И. Броссе вернулся 8 августа 1848 г., значительно обогатив свои познания в грузинском языке и истории. Итогом стало издание семитомного труда по истории Грузии [46]. М. И. Броссе первым обратился к изучению грузинской историографии и археологии, стал первым издателем грузинских исторических источников.

Следующая академическая экспедиция на Кавказ связана с именем немецкого востоковеда-ираниста, выпускника Лейпцигского университета, профессора Харьковского и Петербургского университетов, действительного члена Императорской академии наук (1842) Бориса Андреевича Дорна (Johannes Albrecht Bernhard Dorn, 1805–1881). Инициатива организации этого путешествия исходила от Кавказского отдела Русского географического общества, обратившегося в письме от 8 мая 1858 г. в Академию наук, в котором сообщило о мнении члена РГО, путешественника и дипломата Н. В. Ханькова по поводу необходимости изучения иранских языков Кавказа, выразившего уверенность, «что г[осподин] академик [Б. А.] Дорн, ближе всех современных ориенталистов знакомый с историей, археологией и нумизматикой восточной части Кавказа и южного поморья Каспия, не откажется заняться исследованием здешних наречий иранского корня, если отдел доставит ему для этого денежные средства и исходатайствует, чтобы переезд его на Кавказ совершился на счет академии» на тех же условиях, что были и у М. И. Броссе (и, как известно, также у А. М. Шёгрена), т. е. «с сохранением получаемого им содержания и с выдачею прогонных и подъемных денег от казны». Одновременно Н. В. Ханьков предлагал отправить на Кавказ молодого востоковеда, выпускника Петербургского университета Петра Ивановича Лерха (1828–1884), изучавшего курдский язык и предпринявшего незадолго до этого, в 1857 г., своеобразную экспедицию: по поручению Академии наук он проводил лингвистические исследования среди курдов, оказавшихся в числе военнопленных турецкой армии в г. Рославль Смоленской губернии [47]. Ходатайствуя о командировании этих двух ученых, Кавказский отдел РГО предлагал для них единовременную выплату (1000 руб. для Б. А. Дорна и 500 руб. для П. И. Лерха), а также заверял

в обеспечении необходимым содействием исследований со стороны местного начальства [48, л. 1–2 об.]. В своей записке Н. В. Ханьков аргументировал важность изучения кавказских народов для географического разграничения адыгейского, лезгинского, иранского, турецкого, армянского и грузинского языков, а также для типологизации языков абазинского («абазехского»), осетинского, чеченского, кубачинского. Рассуждая о ситуации в сравнительном языкознании того времени, Н. В. Ханьков указывал на прогресс в понимании того, что для построения компаративистских теорий недостаточно иметь в распоряжении лишь словники различных языков (на что опирались языковеды предыдущей эпохи), но необходимо иметь знания о грамматическом строе языка, в связи с чем он утверждал, что «филология не достигла еще той силы, чтобы она могла из имеющегося в ее распоряжении материала извлечь нечто действительно общее, принадлежащее всему человечеству <...>, вследствие того развилось убеждение в необходимости историко-филологического исследования языков отдельных рас...». В своей записке Н. В. Ханьков, отмечая плодотворность научных путешествий на Кавказ А. М. Шёгрена и М. И. Броссе, признает ведущие на то время позиции в иранистике за Б. А. Дорном, ходатайствуя одновременно о поддержке изучения П. И. Лерхом курдского языка: «Таким образом истощится весь ряд языков иранского корня, имеющих на Кавказе представителей в татском, талышинском и курдском наречиях» [Там же, л. 3–4 об.].

Историко-филологическое отделение Императорской академии наук поручило Б. А. Дорну доложить свое мнение по этому вопросу. Ответ от академика поступил только в следующем, 1859 г. Задержку он объяснял своим убеждением, что «должно дать предполагаемому путешествию больший размер, т. е. чтобы оно не ограничивалось исследованиями языкознания, но распространялось и на географические и археологические изыскания». В связи с этим Б. А. Дорн считал необходимым изучить рукописи, имеющиеся в библиотеках Англии и Германии, для чего летом 1859 г. по высочайшему соизволению предпринял научную командировку в Европу. После этого он, заручившись согласием на командировку директора Императорской публичной библиотеки графа Модеста Андреевича Корфа (1800–1876), где он в то время работал наряду с академической службой [Там же, л. 12–12 об.], объявил себя на заседании 2 января 1860 г. [Там же, л. 15 об.] готовым к поездке на Кавказ (пояснив, что конкретное место сбора материала нужно будет определить уже на месте, однако считая желательным исследование не только восточного Закавказья, но и Гиляна и Мазендерана, находившихся на территории Персии); одновременно он признавал желательным отправку вместе с ним П. И. Лерха [Там же, л. 9–9 об.].

Планировалось путешествие продолжительностью 8–10 месяцев с посещением Закавказья, Гиляна и Мазендерана с целью исследования «туземных языков иранского корня» и описания «в географическом и археологическом отношении стран, которые тщательно осмотрит». Финансирование путешествия должно было осуществляться на описанных в предложении Кавказского отдела РГО условиях; к этому из штатной суммы Азиатского музея предлагалась выплата в 600 руб. «на раскопки для открытия древностей, на покупку монет и манускриптов, на списывание надписей и т. п.» [Там же, л. 16–16 об.]. 10 мая 1860 г. президент Академии наук граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) направил письмо кавказскому наместнику и одновременно покровителю Кавказского отдела РГО князю Александру Ивановичу Барятинскому (1815–1879), в котором он сообщил о готовности академии к отправке Б. А. Дорна на 10 месяцев на Кавказ и в Персию и о получении на это высочайшего соизволения 14 апреля 1860 г. и финансирования из средств казны и Азиатского музея [Там же, л. 19–20 об.]. Об отправке П. И. Лерха речи не шло.

Б. А. Дорн выехал из Петербурга в августе 1860 г., спустился по Волге до Астрахани и по Каспийскому морю дошел до Баку, откуда уже предпринимал поездки в различные местности Закавказья и Персию [35, с. 221]. Одной из задач путешествия было отыскание могилы С. Г. Гмелина, который при возвращении из Персии во время своей экспедиции (см. выше) недалеко от Дербента был захвачен в плен и, не выдержав лишений, умер в 1774 г., не достигнув 30-летнего возраста. 13 мая 1861 г. Б. А. Дорн прибыл в Дербент и посвятил 2 дня (21 и 22 мая) поиску места захоронения С. Г. Гмелина. Это предприятие завершилось успехом: могила была обнаружена, относительно чего был составлен официальный акт, который был переправлен в академию военным начальником Южного Дагестана и вместе с тем дербентским градоначальником Михаилом Тариаловичем Лорис-Меликовым (1825–1888) (письмо М. Т. Лорис-Меликова от 29 мая 1861 г.) [48, л. 27–27 об.]. Акт подписали 22 мая 1861 г. исполняющий должность помощника начальника Кайтаго-Табасаранского округа, поручик артиллерии Петухов и архитектор Гиппиус, командированные Б. А. Дорном в село Каякент и описавшие обстоятельства обнаружения могилы: «Прибыв в это селение, мы расспрашивали жителей, не помнят ли они, был ли погребен на их земле какой-нибудь именитый иноземец. <...> Наконец после продолжительных разведываний и расспросов, в числе других своих обычаев рассказали нам поверье, заключающееся в том предрассудке, что для излечения лошади от запора мочи достаточно обвести ее три раза вокруг могилы „гяура“ и что в подобных случаях они обводят больных лошадей вокруг небольшого кургана, лежащего за деревней и называемого „гяур знарет“ (нечистые мощи) <...>» (позднее Б. А. Дорн предположил, что эта традиция могла возникнуть в связи с тем, что С. Г. Гмелин был известен местным жителям как врач [Там же, л. 42 об. – 43]). Исследователи нашли этот курган (рядом с местным мусульманским кладбищем), а в нем скелет: «Следов гроба не было никаких. Скелет лежал головою на юг; руки брошены одна на другую; челюсти искривленно раскрыты, ноги согнуты. По зубам в челюстях можно было дать умершему от 30 до 40 лет». Исследователи, не зная биографии С. Г. Гмелина, заключили: 1) «умерший был не мусульманин, ибо лежал лицом не на восток и руки не были протянуты по телу», 2) он был похоронен не христианами, так как христианские обычаи не были соблюдены, 3) умер в страданиях, 4) похоронен небрежно (просто брошен). Тогда исследователи продолжили свои расспросы и нашли старика лет 80–85, который вспомнил, что «когда он был мальчиком, то слышал от отца своего, что на этом месте погребен какой-то русский». Б. А. Дорн, прибыв в это селение, признал все аргументы убедительными и установил на могиле «мученика во имя науки» деревянный крест, на котором совместными усилиями была вырезана надпись: «Академикъ Гмѣлинъ, 1774 г. Юня 27». Надвенок на крест венки «из набранных по дороге к могиле местных горских трав», Б. А. Дорн произнес: «Ты испытал много; горьки были последние дни твои; мир праху твоему!» «Бывшие при этом туземцы поняли, что они над могилою заслуживающего высокого почитания и тут же <...> обещали тщательно беречь ее» [Там же, л. 29–30 об.].

По вопросу установления на месте обнаружения могилы памятника С. Г. Гмелину в академии была создана специальная комиссия, которая 2 марта 1862 г., признав атрибуцию могилы верной, огласила свое мнение: «...Вырытые останки и открытую могилу с большою степенью вероятности можно приписать [С. Г.] Гмелину <...> Поэтому комиссия предлагает, чтобы ему был сооружен каменный монумент на том самом месте, где временно водружен деревянный крест. Памятник пускай будет самый простой и <...> комиссия предлагает начертать на сооружаемом памятнике следующую краткую надпись: „В память академика

С. Г. Гмелина, умершего 27 июня 1774 года» [Там же, л. 44–49 об.]. Б. А. Дорн также привел свои дополнительные аргументы в защиту атрибуции этой могилы [Там же, л. 40–43 об.]. В настоящее время на могиле С. Г. Гмелина действительно имеется простой памятник с крестом, однако надпись сделана другая.

По результатам экспедиции Б. А. Дорном был представлен отчет, опубликованный Академией наук [49]. Важно отметить, что работы ученого по кавказоведению не утрачивают своей актуальности и переиздаются в настоящее время [50, с. 275].

Так, в ходе немногочисленных кавказских лингвистических экспедиций Императорской академии наук XVIII–XIX вв. была заложена основа систематического изучения иранских языков Кавказа, а руководители этих экспедиций стали признанными впоследствии основоположниками научных школ кавказоведения.

Литература

1. Bondar L. D., Bischoff U. Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г. / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 251–256.
2. Bondar L. D. 90. Die Expedition von Peter Simon Pallas 1768–1774 in den Materialien der St. Petersburger Filiale des Archivs der RAW: Linguistische Forschungen // Aus Sibirien — 2011: Науч.-информ. сб. (к 75-летию А. В. Христея). Тюмень: Печатник, 2011. С. 36–40.
3. Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции Императорской Петербургской академии наук в Сибирь в XVIII–XIX вв.: вклад в становление отечественного языкознания в области языков сибирских народов // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2016. Вып. 1 (53). С. 23–34.
4. Bondar L. D., Bischoff U. Linguistische Expeditionen der Russischen Akademie der Wissenschaften nach Sibirien im 19. Jahrhundert in den Materialien der St. Petersburger Filiale des Archivs der RAW // Aus Sibirien — 2013: Науч.-информ. сб. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. С. 17–20.
5. Bondar L. D., Bischoff U. Die Akademie der Wissenschaften und die missionarische Tätigkeit // Aus Sibirien — 2015: Науч.-информ. сб. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2015. С. 26–39.
6. Бондарь Л. Д., Полянская О. Н. Православная культура в Китае: интеллектуальные элиты и духовные круги вчера и сегодня // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: Сб. науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбУУиЭ, 2015. С. 25–33.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1-539.
8. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 1.
9. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 2.
10. Ломоносов и академические экспедиции XVIII в. / Авторы-сост.: О. А. Александровская, В. А. Широкова, О. С. Романова, Н. А. Озерова. 2-е изд. М., 2014.
11. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 6.
12. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. Л. 5.
13. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 7.
14. Ruprecht F. J. Flora Caucasi // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VII série. Vol. 15 (2). P. 44–47.
15. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 31.
16. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 35.
17. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 20. Д. 25.
18. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 20.
19. Reinegg J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Bd. 1–2. Gotha: SPb., 1796–1797.
20. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1807. Д. 24.

21. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58.
22. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 19.
23. СПбФ АРАН. Ф. 783. Оп. 2. Д. 111.
24. Иодко О. В. Генрих Юлий Клапрот. От Китая до Кавказа через Санкт-Петербург // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект / Отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 6. СПб., 2011. С. 55–73.
25. Klaproth G. Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle; Berlin, 1812–1814.
26. Klaproth G. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus, zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814.
27. Klaproth G. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces Limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris; Leipzig, 1827.
28. Кокиев Г. А. Осетины в начале XIX века по наблюдениям путешественника Ю. Клапрота // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 12. Джарджикау, 1948.
29. Исаев М. И. Академик А. М. Шегрен — исследователь осетинского языка // Шегрен А. М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским / Подг. к публ. М. И. Исаева. М., 2010.
30. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1835. Д. 5.
31. Албогачиева М. С. Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб., 2011.
32. СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1.
33. Архив Академии Наук СССР: Обзор архивных материалов. Т. I / Под ред. Г. А. Князева. Л., 1933.
34. Шегрен А. М. Путевые записки. Отрывок / Пер. со шведск. Т. Г. Хетагуровой: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.darial-online.ru>.
35. Материалы для истории экспедиций Академии наук XVIII–XIX веков / Сост. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1940.
36. Шегрен А. М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844; 2-е изд., репр. М., 2010.
37. Шегрен А. М. Осетинские штудии с особой оглядкой на индоевропейские языки / Пер. Л. Г. Григорьевой, Т. В. Кудрявцевой; Под ред. К. Г. Красухина // Основоположники русского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен. Исследования. Тексты. М., 2010.
38. Иодко О. В. Академик Мари Броссе и грузинские эпитафии Москвы и Санкт-Петербурга // Академический архив в прошлом и настоящем: Сб. науч. ст. к 280-летию Архива Российской академии наук / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2008. С. 331–341.
39. Brosset M. Inscriptions tumulaires géorgiennes de Moscou et de Saint-Petersbourg, expliquées par M. Brosset // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg. VI série. Sciences politiques, histoire et philologie. Vol. 4. 1840.
40. Иодко О. В. Мари-Фелисите Броссе в русском востоковедении XIX в. // Француз в научной и интеллектуальной жизни России XIX в. / Под ред. А. О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, В. С. Ржеуцкого, О. В. Окунева. М., 2013. С. 292–305.
41. Броссе М. О необходимости и способах изучать памятники старины Грузии // Кавказский календарь на 1848 г. Тифлис, 1847. С. 129–144.
42. Иодко О. В. Парижанин на русской службе. Академик Мари-Фелисите Броссе // Санкт-Петербург — Франция. Наука. Культура. Политика. СПб., 2010. С. 162–175.
43. Иодко О. В. Академику Мари-Фелисите Броссе 190 лет // Петербургское востоковедение: Альманах. 1994. Вып. 5. С. 451–484.
44. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848 par M. Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. 1-re livraison. SPb., 1849.
45. СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 44.
46. Brosset M. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle. Vol. 1–7. SPB., 1849.
47. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1856. Д. 14.
48. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1858. Д. 16.

49. *Dorn B.* Bericht ueber eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Vol. IV. 1861. P. 429–500.
50. *Абашник В. А.* Академик Борис Андреевич Дорн (1805–1881) как ориенталист // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г. / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 267–276.